

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья вторая¹

Воропаев В.А.,

*доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва,
Российская Федерация) voropaevvl@bk.ru*

В статье реконструированы события последних дней жизни Н.В. Гоголя (1–21 февраля 1852 года: Масленая неделя, первая и начало второй седмицы Великого поста). Только в свете церковного мировоззрения Гоголя становится понятным его поведение в предсмертные дни. Предложено истолкование пометы на полях принадлежавшей Гоголю Библии: «Требование» против слов святого апостола Павла: «...имею желание разрешиться и быть со Христом...» (Флп. 1: 23).

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мировоззрение, предсмертные дни, аскетическое поведение, сожжение рукописей.

Для цитаты:

Воропаев В.А. «КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!» Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья вторая [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_2.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Voropaev V.A. "HOW SWEET IT IS TO DIE!" The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 2 [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_2.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

<1>

Кончина Екатерины Михайловны Хомяковой стала трагическим рубежом в жизни Гоголя: им овладевает мысль о смерти; он почти ежедневно бывает в церкви.

1 февраля, в пятницу, Гоголь – у обедни в своей приходской церкви (Родительская суббота мясопустной недели в том году приходилась на 2 февраля – праздник Сретения Господня, поэтому поминовение усопших было перенесено на пятницу). После обедни он заходит к Аксаковым, хвалит свой приход и священника (отца Алексея Соколова, впоследствии протопресвитера Храма Христа Спасителя). «Видно было, что он находился под впечатлением этой службы, – вспоминала Вера Сергеевна Аксакова, – мысли его были все обращены к тому миру...» (Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой) [4, т. 2, с. 888].

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Ганатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Разговор зашел о Хомякове. Вера Сергеевна заметила, что Алексей Степанович напрасно выезжает, потому что многие скажут, что он не любил своей жены. «Нет, не потому, – возразил Гоголь, а потому, что эти дни он должен был бы употребить на другое; это говорю не я, а люди опытные. Он должен был бы читать теперь Псалтирь, это было бы утешением для него и для души жены его. Чтение Псалтири имеет значение, когда читают его близкие, это не то, что раздавать читать его другим» [там же, с. 891]. Гоголь говорил также о впечатлении, которое смерть производит на окружающих, о том, «возможно ли было бы с малых лет воспитать ребенка так, чтоб он всегда понимал настоящее значение жизни, чтоб смерть не была для <н>его нечаянностью...» (при этом сказал, что «думает, что возможно» [там же]).

На следующий день, 2 февраля, в праздник Сретения, Гоголь, как можно предположить, был в храме у обедни, а накануне – на всенощной. Днем он пишет письма разным лицам, в том числе матери и Василию Андреевичу Жуковскому, у которых просит молитв. «Мне все кажется, что здоровье мое только тогда может совершенно как следует во мне восстановиться с надлежащей свежестью, – обращается он к матери и сестрам, – когда вы все помолитесь обо мне как следует, то есть соединенно, во взаимной между собой любви, крепкой, крепкой, без которой не приемлется от нас молитва. <...> Подчас мне бывает очень трудно, но Бог милостив. О, если б Он хоть сколько-нибудь ниспослал нам помощь в том, чтобы жить сколько-нибудь в Его заповедях!» [3, т. 15, с. 464].

В письме к Жуковскому Гоголь в последний раз говорит о своем главном труде – «Мертвых душах»: «О себе что сказать? Сижу по-прежнему над тем же, занимаюсь тем же. Помолись обо мне, чтобы работа моя была истинно добросовестна и чтобы я хоть сколько-нибудь был удостоен пропеть гимн красоте небесной» [там же, с. 465].

В этих словах Гоголя, сказанных за три недели до кончины, литературовед Константин Мочульский видит вершину той духовной лестницы, по которой писатель поднимался всю свою жизнь. «В этот день, 2 февраля 1852 года Гоголь достиг вершины своего духовного пути, – пишет исследователь. – В его торжественных словах – увенчание дела всей жизни: «пропеть гимн Красоте Небесной...» [9, с. 135].

Позволим себе не согласиться с подобным заключением. В письме к Жуковскому Гоголь не сказал ничего нового, чего бы он не говорил и раньше. Так, еще в феврале 1843 года он писал Надежде Николаевне Шереметевой из Рима: «Чем глубже взгляну на жизнь свою и на все доселе ниспосланные мне случаи, тем глубже вижу чудное участие высших сил во всем, что ни касается меня, и не достаёт у меня ни слов, ни слез, ни молитв для изливания душевных моих благодарений. И вся бы хотела превратиться в один благодарный вечный гимн душа моя!» [3, т. 12, с. 173]. А отцу Матфею Константиновскому Гоголь признавался: «Видит Бог, ничего бы не хотелось сказать, кроме того, что служит к прославлению Его святого имени» (из письма от конца апреля 1850 года) [там же, т. 15, с. 318]; «Молюсь, чтобы Бог превратил меня всего в один благодарный гимн Ему, которым бы должно быть всякое творенье, а тем более словесное, чтобы, очистивши меня от всех моих скверн, не помянувши всего недостойнства моего, сподобил бы Он меня, недостойного и грешного, превратиться в одну благодарную песнь Ему» (из письма от 30 декабря 1850 года) [там же, с. 386].

3 февраля, в воскресенье, Гоголь опять у обедни в своем приходе, оттуда пешком идет к Аксаковым, снова хвалит священника и всю службу, жалуется на усталость. «В его лице, – вспоминала Вера Сергеевна Аксакова, – точно было видно утомление, хотя и светлое, почти веселое выражение» [4, т. 2, с. 891]. Гоголь снова заговорил о Псалтири. «Всякой раз как иду к вам, – сказал он, – прохожу мимо Хомякова дома и всякий раз, и днем и вечером, вижу в окне свечу, теплящуюся в комнате Кате<рины> Мих<айловны>, – там читают Псалт<ирь>» [там же, с. 888]. На вопрос, был ли он у Хомякова, отвечал, что не был. «Мне кажется, – заметила Вера Сергеевна, – ему слишком было тяжело к нему ходить...» [там же, с. 892].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Гоголь еще занимается чтением корректур, но в начале Масленицы в нем замечают нечто тревожное. В понедельник, 4 февраля он снова заходит к Аксаковым. По словам Веры Сергеевны, в лице его видно было какое-то утомление. Он сказал, что скоро уйдет, что должен лечь пораньше, потому что чувствовал какой-то холод ночью. «Это нервный», – заметили сестры Аксаковы. – «Да, нервное», – ответил он совершенно спокойно. Видно было, что сам он не придавал этому значения. Сказал, что пойдет к Хомякову, но к нему не заходил [там же, с. 888, 892–893]. Это было последнее свидание Гоголя с Аксаковыми.

Вечером того же дня он заехал к С.П. Шевыреву, чтобы сказать, что «некогда ему теперь заниматься корректурами». Степан Петрович и его жена, Софья Борисовна, заметили перемену в его лице и спросили, что с ним. Он отвечал, что «дурно себя чувствовал и кстати решил попустить и поговеть» (11 февраля начинался Великий пост). «Зачем же на Масленой?» – спросил его Шевырев. – «Так случилось, – отвечал он, – ведь и теперь Церковь читает уже: "Господи, Владыко живота моего!" и поклоны творятся» (Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева) [4, т. 2, с. 107].

Масленица (или неделя мясопустная) по церковному уставу является преддверием Великого поста: в это время уже не вкушается мясная пища. Службы по постовому чину с молитвой преподобного Ефрема Сирина и поклонами совершаются в среду и пятницу. Вероятно, слова Гоголя «ведь и теперь...» относятся ко всей Масленой неделе, а не только к понедельнику; и если Гоголь собирался говеть, то за богослужением среды он как раз должен был услышать молитву святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего...»².

5 февраля Гоголь пожаловался посетившему его Шевыреву на «расстройство желудка и на слишком сильное действие лекарства, которое ему дали» [4, т. 2, с. 107]. В тот же день он едет к своему духовнику, отцу Иоанну Никольскому, с которым познакомился еще в 1842 году, когда по приезде из-за границы жил у М.П. Погодина, в приходскую церковь Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле известить, что говеет, и с просьбой назначить день, когда можно приобщиться. Тот поначалу советовал дожидаться первой недели поста, но потом согласился и назначил четверг, то есть ближайшую Божественную Литургию, так как в среду на Масленой ее служить не положено.

Вечером того же дня Гоголь провожал на станцию железной дороги гостившего у графа Толстого ржевского священника Матфея Константиновского. С этих пор он прекратил всякие литературные занятия.

К концу пребывания отца Матфея в Москве Гоголь решает говеть, то есть готовится к принятию Святых Христовых Таин. Начиная с 5 февраля он почти ничего не ест, большую часть ночей проводит в молитве. Доктор Алексей Терентьевич Тарасенков пишет в своих записках:

² По уставу в храме молитва преподобного Ефрема Сирина первый раз читается в среду на Масленой неделе, но, разумеется, эту молитву можно произносить в любое другое время, что Гоголь, судя по всему, и делал. Ольга Николаевна Смирнова, дочь Александры Осиповны, приводит его слова, сказанные за границей: «...я читаю эту молитву утром и вечером и советую вам поступать так же» (Свидетельства о Гоголе А.О. Смирновой (рожденной Россет) и ее дочери О.Н. Смирновой) [4, т. 2, с. 351]. В 1845 году Надежда Николаевна Шереметева послала Гоголю книгу святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, «Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четыредесятницу» (Харьков, 1844). По словам святителя, «при всей краткости сей молитвы в ней сокрыто великое богатство святых мыслей и чувств и весьма ясно изображены наши нужды духовные» [8, с. 3–4].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

«Масленицу он посвятил говенью; ходил в церковь, молился весьма много и необыкновенно тепло; от пищи воздерживался до чрезмерности, за обедом употреблял несколько ложек капустного рассола или овсяного супа на воде. Когда ему предлагали кушать что-нибудь другое, он отказывался болезнью, объясняя, что чувствует что-то в животе, что кишки у него перевертываются, что это болезнь его отца, умершего в такие же лета, и притом оттого, что его лечили. Трудно решить, сколько правды было в его словах; однако, легко можно себе представить, что при такой внезапной перемене образа жизни он действительно становился болен. Впрочем, в это время болезнь его выражалась только одною слабостью, и в ней не было заметно ничего важного...» [12, с. 16–17].

Тарасенков едва ли прав, говоря о том, что Гоголь резко изменил образ жизни (с его слов об этом писали потом и другие). Гоголь был православным христианином, исполняющим церковные обряды, и это было далеко не первое его говенье. Сомнение вызывает также следующее место из записок Тарасенкова: «Переменять свойство и количество пищи он не мог без вреда для своего здоровья: по собственному его уверению, при постной пище он чувствовал себя слабым и нездоровым. "Нередко я начинал есть постное по постам (говорил он мне), но никогда не выдерживал: после нескольких дней пощения я всякий раз чувствовал себя дурно и убеждался, что мне нужна пища питательная". (Эти слова были ответом на мое признание, что я делаюсь неспособным к хорошему исполнению своих обязанностей, если некоторое время употребляю постную пищу)» [там же, с. 9].

Из слов Тарасенкова с несомненностью следует только то, что сам он не постился в дни, определенные для этого Церковью. В отношении Гоголя его суждение принять за правду никак нельзя. Лев Иванович Арнольди, сводный брат Александры Осиповны Смирновой, свидетельствует, что Гоголь был необыкновенно строг к себе и боролся со своими слабостями. Так, в Италии он «сам бегал на кухню и учился готовить макароны. А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самою скудною пищею и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел» (Гоголь в воспоминаниях Л.И. Арнольди) [4, т. 2, с. 384].

Всеволод Андреевич Чаговец, наиболее авторитетный специалист начала XX века по семейным делам Гоголя, пишет, что Николай Васильевич не превосходил набожностью своих родных, «проникнутых с самых младенческих лет религиозным настроением и идеалами христианской жизни». И только в отношении соблюдения поста он держался несколько иного взгляда, нежели окружающие: «в постные дни, когда в деревнях готовились разнообразные постные блюда, различные винегреты и т. п., он даже иногда бывал недоволен. "Какой же это пост, когда все объедаются еще хуже, чем в обыкновенные дни?" – говорил он, отодвигая подальше блюдо с какою-нибудь заманчивой постной пищею...» (Чаговец В.А. На родине Гоголя) [4, т. 1, с. 224].

Несмотря на общую слабость, Гоголь продолжает выезжать из дома. 6 февраля, в среду, он посетил Шевырева. «Казалось, ему лучше: лицо было спокойнее, хотя следы усталости какой-то были видны на нем», – свидетельствует тот [4, т. 2, с. 108].

В один из этих дней Гоголя навестил Михаил Семенович Щепкин. «Видя его в хандре и желая его развеселить, – пишет Тарасенков, – рассказал он ему много смешного и, когда тот оживился, он напомнил, что у него нынче отличнейшие блины, самая лучшая икра и так далее, распisał ему обед так, что у Гоголя, как говорится, слюнки потекли. Гоголь обещался приехать обедать; условились во времени; но он приехал к Щепкину за час до обеда и, не застав его, приказал сказать, что извиняется и обедать не будет оттого, что вспомнил о прежде данном обещании обедать в другом месте. От Щепкина он возвратился домой и обедать не поехал никуда» [12, с. 16].

Об этом эпизоде вспоминает в своих записках и Владимир Осипович Шервуд, в ту пору молодой художник, которому покровительствовал Гоголь, а впоследствии известный архитектор и академик живописи: «Когда Н<иколай> В<асильевич> ле<жал> больной, приехал Мих<аил> Семен<ович> Щепкин и з<вал> его на блины: б<ыла> Масленица, и т<а>к рассказал а<п>петитно о св<оих> блинах, что у Гоголя невольно загорелись глаза: "Отойди от меня, сатана, ты меня искушаешь"» (Шервуд В.О. Вечера у Шевырева (Гоголь)) [4, т. 3, с. 715]³. Напомним, что в это время Гоголь держал строгий пост и готовился к причастию.

7 февраля, в четверг, рано поутру Гоголь едет в свою бывшую приходскую церковь, исповедуется и причащается там. Погодин со слов священника свидетельствует, что перед принятием Святых Даров, за обеднею, он «пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатался» [10, с. 47].

Доктор Тарасенков мимоходом заметил, что духовник Гоголя, по-видимому, вовсе не понимал его. Но фактов, подтверждающих это свое суждение, не приводит. Погодин, однако, свидетельствует, что «старика Гоголь очень любил» (Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М.П. Погодина) [4, т. 2, с. 505]. Об этом же говорит и дочь Погодина Александра Михайловна Зедеггольм. По ее словам, Гоголь в последние два года своей жизни часто присылал к ним с просьбой придти к нему местного священника, настоятеля Саввинской церкви, возле которой жили Погодины: «К престарелому священнику этому Гоголь относился с глубочайшим уважением и любовью, этот священник часто исповедовал и приобщал Гоголя Св. Таин» (Гоголь в воспоминаниях А.М. Зедеггольм) [4, т. 2, с. 540].

Именно отца Иоанна Никольского имел в виду Гоголь в письме к С.П. Шевыреву из Неаполя от 8 декабря (н. ст.) 1846 года, где он просит передать «Выбранные места из переписки с друзьями» своему духовнику: «Отыщи, пожалуйста, того самого священника, у которого я говел и исповедовался в Москве. Имени его не помню. Погодин или, еще лучше, – мать его должна знать его. Священник этот <...> мне очень понравился. Простое слово у него проникнуто душевным чувством. Все, что я услышал о нем потом, было в его пользу. Отдай ему один экземпляр книги, скажи, что я его помню и книгу мою нахожу приличным вручить ему как продолжение моей исповеди» [3, т. 13, с. 443].

Вечером того же дня (в четверг 7 февраля) Гоголь снова возвращается в ту же церковь и просит священника отслужить благодарственный молебен, упрекая себя, что забыл исполнить это поутру. Из церкви он заехал к жившему по соседству Погодину, который также заметил перемену в нем. На вопрос, что с ним, отвечал: «Ничего, я нехорошо себя чувствую» [10, с. 48].

³Ср. в воспоминаниях А.О. Смирновой: «Нащокин и Щепкин позвали Гоголя на блины в пятницу в трактир Бубнова. Когда они за ним пришли, он наотрез отказался. Щепкин начал кощунствовать; он его взял за ушко: "Ты когда-нибудь будешь за эти слова раскаиваться, смотри, чтобы не было позд<н>о"» [4, т. 2, с. 269]. По словам Смирновой, это событие произошло в пятницу, то есть 8 февраля, но, по-видимому, она ошибается. Скорее всего, данный эпизод имел место во время говения Гоголя. Этому есть подтверждения и других мемуаристов. В 1852 году А.Н. Афанасьев со слов М.С. Щепкина записал: «На Масленой (незадолго перед смертью Гоголя) Щепкин пригласил его на блины, но Гоголь задумал приготовляться к говенью и не приехал, а когда Щепкин заехал к нему, не сказался дома» (Афанасьев А.Н. Отрывки из моей памяти и переписки) [4, т. 3, с. 26].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Просидев несколько минут, он встал – в комнате находились посторонние⁴ – и сказал, что зайдет к домашним, но остался у них еще менее.

Граф Толстой, видя необычное состояние Гоголя, убедил его посоветоваться с врачом. Доктор Тарасенков пишет: «Призван был доктор Иноземцев, давнишний знакомец Гоголя, который нашел, что у него катар кишек, посоветовал ему спиртные натирания, лавровишневую воду и ревенные пилюли, запретил выезжать. Не веря вообще медицине и медикам, Гоголь не воспользовался и его советами, как следовало, хотя и чувствовал себя весьма дурно» [12, с. 18].

В эти дни Гоголя часто навещал Шевырев. В письме к Марии Николаевне Синельниковой (двоюродной сестре Гоголя, дочери его родной тетки по матери Екатерины Ивановны Ходаревской) от 2 апреля 1852 года он рассказал многие подробности о последних днях и кончине Гоголя. «Доктор Иноземцев, – пишет Шевырев, – определил состояние его (Гоголя. – *В.В.*) катаральным и не находил в нем ничего важного. Впрочем, Николай Васильевич отвергал всякое медицинское пособие и врачу не верил. <...> Он почти не хотел говорить о своей болезни; сказал мне, что его постигла болезнь та самая, от которой умер отец его, что нашел на <н>его страх смерти, но что отец Матвей, ржевский священник, которого он очень уважал, успокоил его» [4, т. 2, с. 109].

«Я застал его с молитвенником в руках, – продолжает свой рассказ Шевырев, – говорил ему, что он напрасно напрягает умственные силы на молитву, что такая молитва требует сил телесных, что для больного довольно призывания имени Иисуса Христа (то есть Иисусовой молитвы. – *В.В.*). Но видно было, что весь он погружен был в молитву, готовясь торжественно к переходу в вечность. Семен говорил мне, что он ест очень мало, отказывается от всякой пищи и не принимает бульону. Я убеждал его именем всех его любящих принять пищу, которая могла бы подкрепить его. Я говорил ему, что пост – есть великая продолжительная наука, что нам невозможно от обыкновенной сытной пищи вдруг переходить к воздержанию великих подвижников Церкви; что покушения <на это> – самоубийство» [там же].

«В тот самый день, как приобщился он Святых Тайн, – рассказывает далее Шевырев, – я был у него и со слезами, на коленях, молил его о том, но он как будто оскорбился такою просьбою; уверял меня, что ест весьма довольно» [там же].

Из этих слов следует, что Шевырев, как и доктор Тарасенков, видели в говении Гоголя нечто необычное и болезнь его приписывали резкому переходу от обычной сытной пищи к строгому посту. Как видно, даже близкие Гоголю люди не понимали его душевного состояния. Хомяков говорил, что после смерти Екатерины Михайловны Гоголь «был в каком-то нервном расстройстве, которое приняло характер религиозного помешательства. Он говел и стал себя морить голодом...» (из письма А.С. Хомякова к А.Н. Попову от конца февраля 1852 года) (Гоголь в письмах А.С. Хомякова и его жены Е.М. Хомяковой (рожденной Языковой) [4, т. 3, с. 198].

Говение и причащение Гоголя на Масленицу было воспринято с недоумением многими его современниками. Между тем Масленая неделя, согласно установлениям Церкви, является началом подвигов воздержания. «Наступающие дни (Масленицы), – пишет преподобный Феодор Студит, – обыкновенно считаются у людей какими-то праздничными, по причине бывающих тут пиров и гуляний, не разумея, что дни сии чрез воздержание от мясожестия возвещают об общем воздержании, а не о пресыщении и пьянстве» [5, с. 505].

⁴ Это были Дмитрий Александрович Ровинский, собиратель и исследователь гравюры и лубка, и историк Иван Егорович Забелин (как следует из позднейшего примечания М.П. Погодина [см.: 4, т. 2, с. 506].

Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская вспоминала, что последний раз видела Гоголя в четверг на Масленой, то есть 7 февраля. «Он был ясен, но сдержан, – рассказывает она, – и всеми своими мыслями обращен к смерти; глаза его блистали ярче, чем когда-либо, лицо было очень бледно. За эту зиму он очень похудел, но настроение духа его не заключало в себе ничего болезненного; напротив, оно было ясным, более постоянно, чем прежде. Мысль, что мы его скоро потеряем, была так далека от нас; а между тем тон, с каким он прощался, на этот раз показался нам необычайным, и мы между собою заметили это, не догадываясь о причине. Ее разъяснила нам его смерть» (Из воспоминаний княжны В.Н. Репниной о Гоголе) [4, т. 3, с. 102].

После 7 февраля Гоголь перестал принимать у себя знакомых, даже тех, которым прежде никогда не отказывал. Однако в пятницу и субботу он еще продолжает выезжать.

В ночь с 8 на 9 февраля после продолжительной молитвы на коленях перед образом Гоголь уснул на диване без постели и во сне слышал некие голоса, говорившие ему, что он умрет. В тревоге он призвал приходского священника и хотел собороваться маслом, но когда тот пришел, Гоголь уже успокоился и решил отложить совершение таинства.

На следующий день, в субботу, он едет к Хомякову, у которого не был с 27 января, играет там со своим маленьким крестником. «В субботу на Масленице, – пишет Погодин, – он посетил также некоторых своих знакомых. Никакой особенной болезни не было в нем заметно, не только опасности; а в задумчивости его, молчаливости не представлялось ничего необыкновенного» [10, с. 47].

10 февраля, в Прощеное воскресенье, Гоголь просит графа Толстого передать свои рукописи святителю Филарету, митрополиту Московскому, чтобы тот определил, что нужно печатать, а чего не следует: «Пусть он наложит на них свою руку; что ему покажется ненужным, пусть зачеркивает немилосердно» [12, с. 19]. Граф не принял бумаг, опасаясь утвердить в нем мысль о смерти. С этого дня Гоголь перестал выезжать из дома.

Святитель Филарет был большим авторитетом для Гоголя и как богослов, писатель-аскет, и как духовный пастырь. Намерение довериться его суду не было для Гоголя новым. Ранее он не раз бывал у него и всегда отзывался о нем очень высоко. В записке к С.П. Шевыреву (от конца 1851 года) Гоголь замечал: «К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах <...> Мне хотелось только прийти к нему на две минуты и попросить молитв, которые так необходи<мы> изнемогающей душе моей» [3, т. 15, с. 459]. Можно думать, что Шевырев был обеспокоен намерением Гоголя говорить с московским владыкой о втором томе «Мертвых душ».

В понедельник и вторник первой недели Великого поста в доме графа (на верхней половине) служили Великое повечерие. Граф и графиня говели; Гоголь, по всей видимости, говел вместе с ними. В эти дни читается Великий канон святого Андрея Критского с покаянным припевом: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!». Гоголь едва смог подняться наверх по ступеням, однако отстоял всю службу. День он провел почти без пищи, ночь – в молитве со слезами. Граф Толстой, видя, как это изнуряет Гоголя, прекратил у себя богослужения.

В ночь с 11 на 12 февраля, в третьем часу, Гоголь будит своего слугу Семена, велит ему бесшумно подняться на второй этаж, где располагались печные задвижки, растопить печь в кабинете и затем сжигает бумаги. Наутро он (по запискам доктора Тарасенкова) сказал графу Толстому: «Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все. Как лукавый силен, вот он до чего меня довел! Я было думал разослать на память друзьям по тетрадке: пусть бы делали, что хотели» (Тарасенков А.Т. Н.В. Гоголь в последнее время жизни. Черновой автограф) [4, т. 3, с. 912].

Физическое состояние Гоголя в эти дни резко ухудшается: очевидцы заметили в нем усталость, вялость и даже изнеможение – отчасти следствие обострения болезни, отчасти

Воропаев В.А.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья вторая

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.

"HOW SWEET IT IS TO DIE!"

The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 2

Language and Text langpsy.ru

4, pp. 42-58.

действие поста. Со слов графа Толстого известно, что Гоголь принимал пищу два раза в день: утром хлеб или просфору, которую запивал липовым чаем, вечером – кашницу, саго или чернослив. Но всего очень понемногу [см.: 4, т. 2, с. 506]. Он почти перестал разговаривать с теми, кто приезжал к нему. Характерно признание Шевырева: «...он тяготился моим присутствием и всех друзей своих допускал на несколько минут и потом отзывался сном, что ему дремлет, что он говорить не может. В положении его, мне казалось, более хандры, нежели действительной болезни» [4, т. 2, с. 109].

Собственно говоря, в таком поведении Гоголя не было ничего необычного. Крупный чиновник, дипломат и церковный писатель Александр Скарлатович Стурдза вспоминал, что «во время Великого поста Гоголь умел отторгаться без огласки от сообщества людей и посвящать по несколько дней врачеванию души своей и богомыслию» (Гоголь в воспоминаниях и письмах А.С. Стурдзы) [4, т. 3, с. 632]. О том, как Гоголь понимал говение, можно отчасти судить по его письму к М.П. Погодину 1843 года из Дюссельдорфа, где он замечает: «...у тебя будет одно такое время, в которое ты будешь иметь возможность прожить созерцательною и погруженною в самого себя жизнью. Именно во время говенья» [3, т. 12, с. 284].

14 февраля, в четверг, Гоголь, по свидетельству Хомякова, сказал: «Надобно меня оставить в покое. Я знаю, что я должен умереть» [4, т. 2, с. 507].

В эти же дни Гоголь делает распоряжения графу Толстому насчет своего крепостного слуги Семена и рассылает деньги «бедным и на свечки». Средства, которые будут выручены от последнего издания его сочинений, он незадолго до этого просил раздать неимущим.

16 февраля, в субботу, Гоголь, по свидетельству графа Толстого, приобщился Святых Таин [там же, с. 506]. Древний христианский обычай причащаться в субботу первой седмицы Великого поста издавна существовал на Руси (он связан с празднованием памяти святого великомученика Феодора Тирона, которое всегда совершается в этот день). Соблюдал его и Гоголь.

В этот же день Гоголя посетил доктор Тарасенков (впервые за время болезни) и убеждал его подчиниться указаниям врачей. Гоголь отвечал вяло, но внятно и с полной уверенностью: «Я знаю, врачи добры: они всегда *желают* добра». При этом ничем не выразил готовности следовать совету Тарасенкова. «Он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны...» [12, с. 22].

16 или 17 февраля Гоголя навещил Дмитрий Николаевич Свербеев, который свидетельствует: «Я был допущен с предупреждением от слуги пробыть недолго. Принял он меня ласково, посадил и через две-три минуты судорожно вскочил со своего стула, говоря, что ему давно уже нездоровится. Нашел я его каким-то странным, бледным и, судя по глазам, чем-то встревоженным и пламенеющим. Я несколько подождал и от него вышел. Таким видел я его в последний раз, дней за пять пред концом» (Свербеев Д.Н. <Воспоминания о последних днях жизни Н.В. Гоголя>) [4, т. 3, с. 850].

Граф Толстой стремился употребить все возможное для исцеления больного: просил Московского гражданского губернатора Ивана Васильевича Капниста, которого Гоголь любил и уважал, уговорить его послушаться указаний медиков; ездил к святителю Филарету, митрополиту Московскому, и рассказал ему об опасной болезни Гоголя. Владыка прослезился и сказал, что на Гоголя надо было действовать иначе: убеждать, «что его спасение не в посте, а в послушании» [12, с. 23]. После этого он ежедневно призывал к себе отца Иоанна Никольского и приходского священника отца Алексия Соколова, расспрашивал их о болезни Гоголя и поручил им передать, что просит его исполнять назначения врачей (он не предполагал, что лечили Гоголя неправильно). Но ничего не помогло.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

«Духовник Гоголя навещал его часто, – пишет Тарасенков, – приходской священник являлся к нему ежедневно. При нем нарочно подавали тут же кушать саго, чернослив и проч. Священник начинал первый и убеждал его есть вместе с ним. Неохотно, немного, но употреблял он эту пищу ежедневно; потом слушал молитвы, читаемые священником. "Какие молитвы вам читать?" – спрашивал он. – "Все хорошо; читайте, читайте!"» [12, с. 23].

Утром 18 февраля, в понедельник, отец Иоанн Никольский предложил Гоголю собороваться священным елеем, исповедаться и причаститься. Тот согласился с радостью. Все положенные на соборовании Евангелия он выслушал «в полной памяти, держа в руках свечу, проливая слезы» [10, с. 48].

После чтения Евангелия, Гоголь сказал: «Горе тем, кот<орые> теперь остаются жить! теперь наступят страшные бедствия и войны» (<Воспоминания графа А.П. Толстого, записанные П.А. Кулишом> [4, т. 2, с. 399]. Религиозное сознание Гоголя глубоко эсхатологично и укоренено в апокалиптике Нового Завета и святоотеческом наследии [см.: 2].

В этот день Гоголь, по свидетельству доктора Тарасенкова, слег в постель и больше уже не вставал. К нему приглашали знаменитейших московских докторов, но он наотрез отказывался лечиться⁵. «Трудно было предпринять что-нибудь с человеком, – вспоминал Тарасенков, – который в полном сознании отвергает всякое лечение» [12, с. 24]. Как и в прежние годы, Гоголь был твердо убежден, что жизнь его в руках Господа, а не в руках врачей. «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил еще, – буду жив...» – говорил он [там же].

19 февраля, во вторник, Гоголя посетил доктор Тарасенков. Гоголь лежал на диване, в халате, в сапогах, отвернувшись лицом к стене (на которой висел образ Богородицы), с закрытыми глазами; в руках у него были четки. Приехал профессор А.А. Альфонский, который предложил магнетизирование (гипноз)⁶, чтобы покорить волю больного и заставить его принимать пищу. Приехали также доктора А.И. Овер и К.И. Сокологорский [см.: 12, с. 24–25]. Последний пытался делать пассы, но Гоголь, без сомнения, в это время читал про себя Иисусову молитву, и магнетизирование не удалось.

Граф Толстой, видя критическое положение, созвал консилиум, который подтвердил диагноз профессора Овера, что у Гоголя менингит, и принял решение лечить его насильно. Врачи действовали следующим образом: больного сажали в теплую ванну и обливали холодной водой; ставили к носу пиявки, тело обкладывали горчичниками. С Гоголем обращались как «с сумасшедшим», как «с человеком, не владеющим собою». Об этом рассказывает, например, в своих записках доктор Тарасенков.

Насильственное лечение, вероятно, ускорило смерть Гоголя. Последнюю ночь он был уже в беспамятстве. Елизавета Фоминична Вагнер, теща Погодина, на руках которой Гоголь скончался, свидетельствует: «...по-видимому, он не страдал, ночь всю был тих, только дышал тяжело; к утру дыхание сделалось реже и реже, и он как будто уснул...» (из письма Е.Ф. Вагнер к М.П. Погодину от 21 февраля 1851 года) [4, т. 3, с. 524].

⁵ Ср. слова святителя Игнатия (Брянчанинова), сказанные незадолго до кончины брату Петру Александровичу Брянчанинову: «Прошу, когда я буду умирать, не вздумайте посылать за доктором, дайте мне умереть христианином, – не подымайте суматохи» [7, т. 1, с. 72].

⁶Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Употребление магнетизма есть отрасль волхвования» (Слово о чувственном и о духовном видении духов) [7, т. 3, с. 21].

21 февраля, в четверг, около восьми утра, Гоголь преставился ко Господу. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!» [4, т. 2, с. 110]. Доктор Тарасенков, прибывший через два часа после смерти Гоголя, писал об увиденном: «Нельзя вообразить, чтобы кто-нибудь мог терпеливее его сносить все врачебные пособия, насильно ему навязываемые; лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб» [12, с. 28].

Накануне, часу в одиннадцатом, Гоголь громко произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!...» [там же, с. 27]. Подобные слова о лестнице сказал перед смертью святитель Тихон Задонский, один из любимых духовных писателей Гоголя, сочинения которого он перечитывал неоднократно.

<2>

Праведная христианская кончина Гоголя стала вершиной его духовного пути, последней ступенью той лестницы, по которой он поднимался всю жизнь. В словах «Как сладко умирать!» ясно слышится известное изречение близкого душе Гоголя святого апостола Павла: «...имею желание разрешиться и быть со Христом...» (Флп. 1: 23). На церковнославянском языке эти слова читаются так: «...желание имый разрешитися и со Христом быти». В принадлежавшей Гоголю славянской Библии 1820 года издания, хранящейся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома, против данного стиха – загадочная помета: «Требование<?>» [3, т. 9, с. 155].

Можно предположить, что слово «требование» употреблено здесь Гоголем как церковнославянское в значении: нужда, потребность, необходимость. В предисловии к «Словарю трудных слов из богослужения» О.А. Седакова приводит глагол *требовати* (русское значение: «настоятельно просить», церковнославянское: «сильно нуждаться») в качестве образца церковнославяно-русских паронимов⁷ [11, с. 7]. В словаре даются многочисленные примеры такого словоупотребления в Священном Писании и богослужебных книгах.

Вот несколько подобных случаев.

«Рех Господеви: Господь ми еси Ты, яко благих моих не требуеши» (Пс. 15: 2) (русский перевод: «Я сказал Господу: Ты Господь мой, не имеешь нужды в моих благах»).

«И той глаголаше им: несте ли николиже читали, что сотвори Давид, егда требование име и взалка сам и иже с ним» (Мк. 2: 25) (русский перевод: «Он сказал им: неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним?»).

«Народи же разумевше, по нем идоша: и прием их, глаголаше им о Царствии Божии, и требующия исцеления целяше (Лк. 9: 11) (русский перевод: «Но народ, узнав, пошел за Ним; и Он, приняв их, беседовал с ними о Царствии Божиим и требовавших исцеления исцелял»).

В данном случае синодальный перевод 1876 года, по которому печатается Новый Завет и в современных изданиях Московской Патриархии, представляется не совсем удачным. Более точен в переводе этого места В.А. Жуковский: «Народ же о том узнав, последовал за Ним; и Он их принял, и говорил им о Царствии Божиим, и исцелял искавших исцеления» [6, с. 122].

⁷ Паронимы – слова, близкие по звучанию или морфемному составу, но имеющие разное значение.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Работа Жуковского над переводом Нового Завета в 1845 году протекала в период интенсивного духовного общения с Гоголем, который был едва ли не единственным, кого поэт посвятил в свой замысел (см.: Долгушин Д.В. Новый Завет в переводе В.А. Жуковского) [там же, с. 478–479]. От Гоголя об этом переводе узнавали и другие. Так, П.А. Плетнев извещал Я.К. Грота: « Сюда приехал Гоголь <...> Он рассказывал мне про новый подвиг Жуковского. Каждый день во время утренней молитвы он выбирал по одной главе из Евангелия или Апостолов и перекладывал ее на такой русский язык, в котором при сохранении всей силы славянского и целых иногда выражений подлинника период выходил ясным, звучным, точным» [цит. по: 6, с. 479]. Гоголь высоко оценил переводческий труд Жуковского. В письме от 28 февраля 1850 года он советовал ему сделать с Библией (то есть Ветхим Заветом) то же, что с Евангелием, то есть всякий день переводить из нее по главе [см.: 3, т. 15, с. 307].

Гоголь свободно читал богослужебные книги, и ему хорошо известно было церковнославянское слово «требование» (в значении «нужда, потребность, необходимость»). Многочисленные случаи подобного словоупотребления встречаются в выписках Гоголя из служебных Миней. Например, тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «Все сердце мое и помышление простираю к тебе и душу, твоя, страстотерпче, помощи требую» [3, т. 9, с. 294].

Впрочем, это слово без перевода понятно любому православному христианину, который ежедневно читает в молитвах на сон грядущим: «Богородице Дево, не презри мене грешнаго, требующа Твоя помощи и Твоего заступления, на Тя бо упова душа моя, и помилуй мя» («Требующа Твоя помощи...» означает здесь «нуждающегося в Твоей помощи»).

Святой апостол Павел не печалился при мысли о смерти, но радовался; не боялся смерти, но желал ее: «...имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше...». По учению святых отцов, подобным образом должны мыслить все христиане, потому что Христос победил смерть⁸, и теперь она для них не зло, а приобретение (Флп. 1: 21). Святитель Феофан Затворник пишет: «Имею желание разрешиться от тела посредством смерти, какую угодно будет Богу послать мне. И это было бы гораздо лучше, потому что чрез это я тотчас стал бы со Христом быть и в Нем блаженствовать. Такова прямая надежда и всех христиан, пребывших верными вере, а тем паче апостолов» [13, с. 329–330].

Известный духовный писатель епископ Варнава (Беляев), обобщая аскетический опыт святых отцов, говорит о христианской кончине: «Физический страх смерти переходит в духовное радование, и мрачные мысли заменяются светлыми. Подвижник начинает уже созерцать Царствие Небесное, блаженство, уготованное святым, поучается в любви к Богу. Тогда приходит благодать и человека осеняет сила Святого Духа. Представления его собственные заменяются видениями, посылаемыми от Бога. Такой уже перестанет любопытствовать о мире, не привязан более к своему телу и не ожидает, а желает уже смерти, на всякий час (Флп. 1: 23)» [1, с. 116].

И далее: «Говоря вообще, "боязнь смерти есть свойство человеческого естества" (слова преподобного Иоанна Лествичника. – В. В.) и произошла в нас от преслушания прародителей. В ней (боязни) ничего предосудительного и ненормального нет, и Христос боялся, по

⁸ Ср. «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, инога жития вечнога начало» (Канон Пасхи, песнь 7-я); «...побеждена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15: 54–55).

человечеству, смерти, хотя в отличие от святых людей и добровольно <принял ее>, по Своему желанию. Но страшиться умереть от сознания пагубности содеянных грехов недостойно истинного христианина, такой трепет ненормален, и от человека требуется, чтобы его не было. Для новонаначального и только что начавшего подвизаться он конечно терпим и даже похвален, но мы должны знать, что Господь, в конечном счете, призывает нас не в качестве рабов, не к трепету перед Ним, а призывает нас к любви как свободных сынов. И с этой точки зрения, со стороны совершенства и святости, боязнь смерти ненормальна, и в раю до грехопадения страха смерти не было» [там же, с. 116–117].

Умирал Гоголь в состоянии духовного просветления: без страха, с радостью. Он ушел в вечность с верой в Сладчайшего Иисуса, Который сильнее смерти. В его словах «Как сладко умирать!» с несомненностью угадывается хорошо знакомое православным христианам речение: «*Иисусе пресладостный, преподобных радование...*» (Акафист Иисусу Сладчайшему). Господь даровал своему подвижнику вкусить божественную радость и утешение.

Праведная христианская кончина Гоголя стала вершиной его духовного пути, последней ступенью той лестницы, по которой он поднимался всю жизнь. В словах «Как сладко умирать!» ясно слышится известное изречение близкого душе Гоголя святого апостола Павла: «*...имею желание разрешиться и быть со Христом...*» (Флп. 1: 23). На церковнославянском языке эти слова читаются так: «*...желание имый разрешитися и со Христом быти*». В принадлежавшей Гоголю славянской Библии 1820 года издания, хранящейся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома, против данного стиха – загадочная помета: «Требование<?>» [3, т. 9, с. 155].

Можно предположить, что слово «требование» употреблено здесь Гоголем в церковнославянском значении: нужда, потребность, необходимость. В предисловии к «Словарю трудных слов из богослужения» О.А. Седакова приводит глагол *требовати* (русское значение: «настоятельно просить», церковнославянское: «сильно нуждаться») в качестве образца церковнославяно-русских паронимов⁹[11, с. 7]. В словаре даются многочисленные примеры такого словоупотребления в Священном Писании и богослужебных книгах.

Вот несколько подобных случаев.

«*Рех Господеви: Господь ми еси Ты, яко благих моих не требуеши*» (Пс. 15: 2) (русский перевод: «*Я сказал Господу: Ты Господь мой, не имеешь нужды в моих благах*»).

«*И той глаголаше им: несте ли николиже читали, что сотвори Давид, егда требование име и взалка сам и иже с ним*» (Мк. 2: 25) (русский перевод: «*Он сказал им: неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним?*»).

«*Народи же разумевше, по нем идоша: и прием их, глаголаше им о Царствии Божии, и требующия исцеления целяше* (Лк. 9: 11) (русский перевод: «*Но народ, узнав, пошел за Ним; и Он, приняв их, беседовал с ними о Царствии Божиим и требовавших исцеления исцелял*»).

В данном случае синодальный перевод 1876 года, по которому печатается Новый Завет и в современных изданиях Московской Патриархии, представляется не совсем удачным. Более точен в переводе этого места В.А. Жуковский: «*Народ же о том узнав, последовал за Ним; и Он их принял, и говорил им о Царствии Божиим, и исцелял искавших исцеления*» [6, с. 122].

⁹ Паронимы – слова, близкие по звучанию или морфемному составу, но имеющие разное значение.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Работа Жуковского над переводом Нового Завета в 1845 году протекала в период интенсивного духовного общения с Гоголем, который был едва ли не единственным, кого поэт посвятил в свой замысел (см.: Долгушин Д.В. Новый Завет в переводе В.А. Жуковского) [там же, с. 478–479]. От Гоголя об этом переводе узнавали и другие. Так, П.А. Плетнев извещал Я.К. Грота: « Сюда приехал Гоголь <...> Он рассказывал мне про новый подвиг Жуковского. Каждый день во время утренней молитвы он выбирал по одной главе из Евангелия или Апостолов и перекладывал ее на такой русский язык, в котором при сохранении всей силы славянского и целых иногда выражений подлинника период выходил ясным, звучным, точным» [цит. по: 6, с. 479]. Гоголь высоко оценил переводческий труд Жуковского. В письме от 28 февраля 1850 года он советовал ему сделать с Библией (то есть Ветхим Заветом) то же, что с Евангелием, то есть всякий день переводить из нее по главе [см. 3, т. 15, с. 307].

Гоголь свободно читал богослужебные книги, и ему хорошо известно было церковнославянское слово «требование» (в значении «нужда, потребность, необходимость»). Многочисленные случаи подобного словоупотребления встречаются в выписках Гоголя из служебных Миней. Например, тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «Все сердце мое и помышление простираю к тебе и душу, твоя, страстотерпче, помощи требую» [3, т. 9, с. 294].

Впрочем, это слово без перевода понятно любому православному христианину, который ежедневно читает в молитвах на сон грядущим: «Богородице Дево, не презри мене грешнаго, требующа Твоя помощи и Твоего заступления, на Тя бо упова душа моя, и помилуй мя» («Требующа Твоя помощи...» означает здесь «нуждающегося в Твоей помощи», «настоятельно просящего Твоей помощи»).

Святой апостол Павел не печалился при мысли о смерти, но радовался; не боялся смерти, но желал ее: «...имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше...». По учению святых отцов, подобным образом должны мыслить все христиане, потому что Христос победил смерть¹⁰, и теперь она для них не зло, а приобретение (Флп. 1: 21). Святитель Феофан Затворник пишет: «Имею желание разрешиться от тела посредством смерти, какую угодно будет Богу послать мне. И это было бы гораздо лучше, потому что чрез это я тотчас стал бы со Христом быть и в Нем блаженствовать. Такова прямая надежда и всех христиан, пребывших верными вере, а тем паче апостолов» [13, с. 329–330].

Современный богослов, епископ Варнава (Беляев), обобщая аскетический опыт святых отцов, говорит о христианской кончине: «Физический страх смерти переходит в духовное радование, и мрачные мысли заменяются светлыми. Подвижник начинает уже созерцать Царствие Небесное, блаженство, уготованное святым, поучается в любви к Богу. Тогда приходит благодать и человека осеняет сила Святого Духа. Представления его собственные заменяются видениями, посылаемыми от Бога. Такой уже перестанет любопытствовать о мире, не привязан более к своему телу и не ожидает, а желает уже смерти, на всякий час (Флп. 1: 23)» [1, с. 116].

И далее: «Говоря вообще, "боязнь смерти есть свойство человеческого естества" (слова преподобного Иоанна Лествичника. – В. В.) и произошла в нас от преслушания прародителей. В

¹⁰ Ср. «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечнаго начало» (Канон Пасхи, песнь 7-я); «...побеждена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15: 54–55).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

ней (боязни) ничего предосудительного и ненормального нет, и Христос боялся, по человечеству, смерти, хотя в отличие от святых людей и добровольно <принял ее>, по Своему желанию. Но страшиться умереть от сознания пагубности содеянных грехов недостойно истинного христианина, такой трепет ненормален, и от человека требуется, чтобы его не было. Для новонаначального и только что начавшего подвизаться он, конечно, терпим и даже похвален, но мы должны знать, что Господь, в конечном счете, призывает нас не в качестве рабов, не к трепету перед Ним, а призывает нас к любви как свободных сынов. И с этой точки зрения, со стороны совершенства и святости, боязнь смерти ненормальна, и в раю до грехопадения страха смерти не было» [там же, с. 116–117].

Умирал Гоголь в состоянии духовного просветления: без страха, с радостью. Он ушел в вечность с верой в Сладчайшего Иисуса, Который сильнее смерти. В его словах «Как сладко умирать!» с несомненностью угадывается хорошо знакомое православным христианам речение: «*Иисусе пресладостный, преподобных радование...*» (Акафист Иисусу Сладчайшему). Господь даровал своему подвижнику вкусить божественную радость и утешение.

Литература

1. Варнава (Беляев), епископ. *Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики: В 4 т. Т. 4.* Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1998. 415 с.
2. Воропаев В.А. *Эсхатология Н.В. Гоголя [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Voropaev.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030402. С. 9–24.*
3. Гоголь Н.В. *Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.*
4. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. *Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.*
5. *Добротолубие в русском переводе, дополненное: [В 5 т.]. Т. 4. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992 / Репринтное издание: М.: Издание Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, 1901. 634, XXX с.*
6. Жуковский В.А. *Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 11 (второй полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В.А. Жуковского / Сост., вступ. статья, примеч. Д.В. Долгушина; подгот. текста Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, Д.В. Долгушина; ред. Д.В. Долгушин, А.С. Янушкевич. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 664 с.*
7. <Игнатий, святитель.> *Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова): [В 8 т.] / Сост. А.Н. Стрижева, О.И. Шафрановой; общ. ред. А.Н. Стрижева. М.: Паломник, 2001–2006.*
8. *Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Поучения на Св. Четырдесятницу на молитву св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего» / Воспроизведение издания Одесской Типо-хромолитографии М. Соколовской 1910 г. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский ин-т, Акционерная рекламно-издательская компания «Арико», 1995. 112 с.*
9. Мочульский К. *Духовный путь Гоголя. Париж: YMCA-PRESS, 1976. 147 с.*
10. Погодин М.П. *Кончина Гоголя // Москвитянин. 1852. № 5. Отд. VII. Современные известия. С. 47–50.*
11. Седакова О.А. *Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.*

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

12. *Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1902. [2], 33 с.*
13. *<Феофан Затворник, святитель.> Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкования посланий апостола Павла. Послание к Колоссаем и к Филиппийцам. М.: Московский Сретенский монастырь; Паломник, Правило веры, 1998 / Репринтное издание: М.: Издание Русского Пантелеимонова монастыря, 1892. 464 с..*

“HOW SWEET IT IS TO DIE!”

The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 2

Voropaev V.A.,

Full Ph.D. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
voropaevvl@bk.ru

The article reconstructs the events of the last days of Gogol's life (1-21 February 1852: The Maslenaya Week, the first and the beginning of the second week of Lent). Only in the light of Gogol's church world outlook his behavior in the days of death becomes understandable. The interpretation of the litter on the margins of the Bible belonging to Gogol is offered: "Demand" against the words of St. Apostle Paul: "... I have a desire to be dissolved and to be with Christ ..." (Phil. 1: 23).

Key Words: Gogol, religious outlook, dying days, ascetic behavior, burning of the manuscripts.

References

1. Varnava (Belyayev), yepiskop. Osnovy iskusstva svyatosti. Opyt izlozheniya pravoslavnoy asketiki: V 4 t. T. 4. Nizhniy Novgorod: Izdaniye Bratstva vo imya svyatogo knyazya Aleksandra Nevskogo, 1998. 415 s.
2. Voropayev V.A. Eskhatologiya N.V. Gogolya [Elektronnyy resurs] // Yazyk i tekst langpsy.ru. 2016. Tom 3. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Voropaev.shtml> (data obrashcheniya: dd.mm.gggg) doi: 10.17759 / langt.2016030402. S. 9–24.
3. Gogol' N.V. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 17 t. / Sost., Podgotovka tekstov i komment. I.A. Vinogradova, V.A. Voropayeva. Moscow; Kiyev: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii, 2009-2010.
4. Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistemicheskiy svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoye izdaniye: V 3 t. / Izdaniye podgotovil I.A. Vinogradov. Moscow: IMLI RAN, 2011–2013.
5. Dobrotolyubiye v rusском perevode, dopolnennoye: [V 5 t.]. T. 4. Svyato-Troitskaya Sergiyeva lavra, 1992 / Reprintnoye izdaniye: Moscow: Izdaniye Russkogo na Afone Panteleimonova monastyrya, 1901. 634, 634, XXX p.
6. Zhukovskiy V.A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. T. 11 (vtoroy polutom): Gospoda nashego Iisusa Khrista Novyy Zavet v perevode V.A. Zhukovskogo / Sost., Vstup. stat'ya, primech. D.V. Dolgushina; podgot. tekst F.Z. Kanunovoy, I.A. Ayzikovoy, D.V. Dolgushina; red. D.V. Dolgushin, A.S. Yanushkevich. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK, 2016. 664 s.
7. <Ignatiy, svyatitel'.> Polnoye sobraniye tvoreniy svyatitelya Ignatiya (Bryanchaninova): [V 8 t.] / Sost. A.N. Strizheva, O.I. Shafranovoy; obshch. red. A.N. Strizheva. Moscow: Palomnik, 2001-2006.
8. Innokentiy, arkhiepiskop Khersonskiy i Tavricheskoy. Poucheniya na Sv. Chetyredesyatnitsu na molitvu sv. Yefrema Sirina «Gospodi i Vladyko zhivota moyego» / Vosproizvedeniye

Воропаев В.А.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.

“HOW SWEET IT IS TO DIE!”

The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2

Language and Text langpsy.ru

4, pp. 42-58.

izdaniya Odesskoy Tipo-khromo-litografii Moscow Sokolovskoy 1910 g. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy bogoslovskiy in-t, Aktsionernaya reklamno-izdatel'skaya kompaniya «Ariko», 1995. 112 s.

9. Mochul'skiy K. Dukhovnyy put' Gogolya. Parizh: YMCA-PRESS, 1976. 147 c.
10. Pogodin M.P. Konchina Gogolya // Moskvityanin. 1852. № 5. Otd. VII. Sovremennyye izvestiya. S. 47–50.
11. Sedakova O.A. Slovar' trudnykh slov iz bogoslužheniya: Tserkovnoslavyano-russkiye paronimy. M.: Greko-latinskiy kabinet YU.A. Shichalina, 2008. 432 s.
12. Tarasenkov A.T. Posledniye dni zhizni N.V. Gogol'. Izd. 2-ye, dop. po rukopisi. Moscow: Tovarishchestvo skoropechatni A.A. Levenson, 1902. [2], 33 s.
13. <Feofan Zatvornik, svyatitel'.> Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Feofana Zatvornika. Tolkovaniya poslaniy apostola Pavla. Poslaniye k Kolossayem i k Filippiytsam. Moscow: Moskovskiy Sretenskiy monastyr'; Palomnik, Pravilo very, 1998 / Reprintnoye izdaniye: Moscow: Izdaniye Russkogo Panteleimona monastyrja, 1892. 464 s.